

Регуляторы адаптации мигрантов (вопросы методологии и классификации)

Капицын В. М.,

доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова
E-mail: kapizin@yandex.ru

Аннотация. Автор ставит вопрос о методологических подходах к классификации регуляторов, влияющих на адаптацию мигрантов. Системные сбои миграционного права и миграционной политики востребовали новые методологические подходы к исследованию взаимодействия правовых, политических и других регуляторов, влияющих на адаптацию мигрантов. Анализируется содержание миграционного отношения, деление регуляторов на «вертикальные» и «горизонтальные».

Ключевые слова: методы, классификация, миграционные процессы, адаптация мигрантов, поведенческие конвенции, «вертикальные» регуляторы, «горизонтальные» регуляторы.

Методы исследования регуляторов миграции

Миграционный кризис 2015 г. в Европе и наплыв мигрантов из Украины в Россию в 2014—2015 гг. актуализировали вопросы регулирования миграционных процессов и особенно адаптации мигрантов. Обнаружились системные сбои регуляторов миграционного права и миграционной политики.

Цель статьи — выявить методологические подходы к исследованию взаимодействия правовых и других регуляторов, влияющих на адаптацию мигрантов, с использованием достижений науки и опыта миграционной политики разных стран. Рассматривается соотношение государственных и негосударственных регуляторов, включая «теневые» практики. Все они действуют и параллельно, и с эффектом интерференции (взаимного усиления, подавления или поглощения), и в противодействии друг с другом. Политика адаптации и интеграции мигрантов выступает как своеобразный «аттрактор» таких регуляторов.

В качестве методов исследования используются общенаучные (*синергетический, функциональный, системный*), отраслевые и междисциплинарные методы *формально-юридический, антропологический, политико- и юридико-социологический*, а также инструментальные методы: *контекстный, пространственный, идентификационный, институциональный*. При этом *антропологический и социологический* методы становятся центральными в исследованиях адаптации мигрантов.

Контекстный метод показывает, что правовые регуляторы действуют в социальном

контексте, т.е. в среде с множеством взаимодействующих и противодействующих воздействий. Отсюда продуктивно изучение характера взаимодействия регуляторов и влияний контекста: комплементарность (дополнительность), параллелизм, иерархия, корреляция, противодействие и т.д.

Пространственный метод (географический) связан с воображением пространства как имманентной естественной среды обитания людей¹. Он показывает взаимодействие территориальных регуляторов с природными, политическими, правовыми, культурными, объясняет влияние пространственных особенностей мест на отношения, как внутри мигрантских потоков, так и между ними и принимающим обществом².

Идентификационный метод учитывает эмоциональное и социокультурное воздействие на людей «объединяющих» или «разделяющих» символов, ценностей, привязанностей группового и национального масштаба, характер взаимодействия в сознании и подсознании идентификационных приверженностей мигрантов к принимающему и (или) отправляющему обществу, диаспоре³ на этно-культурном и политико-правовом уровнях. Идентификационная

¹ Замятин Д. Н. Пространство и безопасность: онтологические модели воображения // Полис. 2013. № 3. С. 138.

² Clayton J. Thinking spatially: towards an everyday understanding of inter-ethnic relations // Social and Cultural Geography. 2009. Vol. 10. Issue 4. P. 481—498.

³ Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // СОЦИС. 2013. № 5. С. 50.

приверженность мигрантов может «растворяться» в космополитической или транснациональной неопределенности.

Институциональный метод претерпел множество модификаций, в том числе в варианте *неоинституционализма*, который воспринимает институты, как «правила игры» в обществе и систему мер, обеспечивающих их выполнение⁴. Неоинституционализм как теория-метод вообрал в себя подходы бихевиоризма, теории игр, теории идентичности⁵.

Подобные подходы к исследованию адаптации мигрантов проявлялись в работах этнологов, антропологов, социологов, показывающих, например, через призму восприятия языков в обществах, что, с одной стороны, сохраняется тенденция к юридизации социальных и культурных влияний, с другой стороны, учитывается влияние некоторых неправовых, в частности, культурных регуляторов. В связи с этим актуализируется развитие юридической и политической антропологии. Определенных успехов в изучении разных регуляторов достигает социология права. Но в целом в юридической и политологической литературе применительно к адаптации мигрантов проблемы взаимодействия регуляторов изучены недостаточно.

Социальная и правовая природа регуляторов адаптации

Регуляторы адаптации мигрантов включают прежде всего правовые влияния. Правовые регуляторы действуют через механизм прав и обязанностей субъектов миграционного отношения: мигрантов, принимающего государства (общества), мирового сообщества, мигрантских, правозащитных, благотворительных организаций. Мигранты включаются в административные и гражданско-правовые отношения, контактируют с пограничниками, полицией, социальными и миграционными службами, судами, вступают в гражданский оборот в рамках миграционных отношений и за их пределами.

Но вместе с воздействием правовой основы миграционные отношения испытывают влияние также политических, моральных, психологических, демографических межличностных и коллективных регуляторов. Это — разнообразные поведенческие конвекции. В частности, политика, привычки, общепринятые

условности, обычаи, устные договоренности, привязанности, стереотипы и ролевые модели, этнические, национальные, конфессиональные идентичности, языки общения и др. Миграционные отношения складываются вокруг таких объектов, как социальные блага и ценности, включая безопасность, законопослушание, материальное благосостояние, семья, здоровье, образование, социальное самочувствие, культурные идентичности и др. Правовая основа миграционного отношения обростае воздействиями социальных и поведенческих конвенций школы, поликлиники, родственников, благотворителей, диаспор, «теневых» субъектов и пр. Одни только правовые регуляторы не в силах поддерживать миграционные отношения.

Правовое регулирование адаптации дополняется параллельными и интерференционными воздействиями различных конвенций. Мобильность и многообразие мигрантских практик усиливают рассогласованность социокультурных традиций акторов («культурная дистанция»), структур их идентичностей (городских и сельских), макроэкономических и локальных экономических стимулов, моральных и религиозных императивов, балансов сил экономических и политических элит, воздействий отправляющих и принимающих общин, диаспор. Этнические электронные сети влияют, в том числе, на правовые регуляторы.

Упорядочение восприятия достигается с помощью классификации регуляторов адаптации мигрантов. Используем сначала деление на «горизонтальное» и «вертикальное» регулирование, как это распространено, например, в гуманитарной географии⁶. Известно также различие саморегулирования (самоорганизации, самоуправления) и политического (государственного и муниципального) регулирования. Социологи рассматривают консолидацию общества как результат взаимодействия двух процессов «вертикального» (макросоциального) и «горизонтального» (микросоциального)⁷. Адаптация мигрантов выступает как составляющая социальной консолидации.

«Горизонтальные» регуляторы проявляются, например, на рынке труда, когда работодатели действуют в соответствии со своими целями, как помогая, так и препятствуя адаптации мигрантов. Исследования идентификации показывают, что действие «горизонтальных»

⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения функционирования экономики. М.: Начала, 1997. С. 17.

⁵ Барбашин М.Ю. Оптимальные институциональные стратегии и идентичность в условиях неопределенности социальных дилемм (на примере бинарных игр) // Journal of institutional studies. 2014. Т. 6. № 4. С. 118.

⁶ Замятин Д.Н. Пространство как образ и транзакция: к становлению геономики // Полис. 2007. № 1. С. 173.

⁷ Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник Института социологии. 2016. № 17. С. 14—16.

регуляторов носит жизнесферный характер⁸. О. А. Козлова отмечает: «...Во многом именно социальная среда, условия жизни, быта, общения, освоения мира онтологии, создание артефактной материальности складываются в группу факторов, определяющих характер мировидения и способов его представления. На этой основе формируются, развиваются и расширяются правила сосуществования в социуме...»⁹.

Такое воздействие характерно для социальных конвенций, неформальных институциональных стратегий, идентичностей, подразумевающих в качестве регулятора поведения в жизненных сферах одинаковое отношение людей к одинаковым ситуациям и символам. Так достигается выстраивание рациональных планов, последовательность действий для достижения результатов с учетом общих (рамочных) правил и запретов¹⁰. Благодаря этому, в миграционные отношения встраиваются «симметричные скоординированные игры» с ожиданиями в рамках правил, в том числе, санкций (отложенного насилия) в случае отклонений от правил. Это изучается, в частности, в рамках неоинституционализма, теорий игр и коммуникации¹¹. «Горизонтальная» регуляция в виде повседневных межличностных и социальных конвенций в жизненных сферах необходима для мигрантов и «старожилов». Адаптация на жизнесферном уровне включает в себя такие взаимодействия мигрантов (взрослых и детей) в их текущей жизнедеятельности.

Простейшие схемы можно иллюстрировать на примере конвенций «миграционные цепи» и «миграционные сети». Но такие «горизонтальные» регуляторы должны взаимодействовать с другими («горизонтальными») регуляторами принимающего общества, как и с правовыми («вертикальными»). Без этого мигранты будут адаптироваться преимущественно в обособленных сообществах «своих», включая «теневые» секторы. Вразрез с правовыми и «горизонтальными» регуляторами принимающего общества могут действовать конвенции диаспор, а также «вертикальное» влияние международных организаций, выходящих мигрантов на «транснациональную» регуляцию. Такие дерегуляции происходят, когда адаптационные

конвенции перемещаются в русло транснациональной миграции.

Правовые регуляторы подкрепляются неправовыми регуляциями. Особое значение приобретает государственная миграционная и национальная политики, ориентированные не только на административный контроль, но также правовую защиту и адаптацию мигрантов.

Классификация «горизонтальных» и «вертикальных» регуляторов

Углубим далее нашу классификацию. Начнем с «горизонтальных» регуляторов, классифицируемых по основанию «виды жизненных сфер» или «жизнесферные» конвенции. Первая жизненная сфера — территориальная, с ее территориальными (географическими) конвенциями. Для мигрантов вопрос пространства — один из основных. В основе «социальной экологии» Чикагской школы социологов лежало изучение пространственного размещения людей в городе и пространственной организации социальных институтов. Важнейшая причина эффективности (неэффективности) регуляторов адаптации мигрантов — территориальное позиционирование людей и институтов, т.е. их перемещение, размещение, транзит, территориальная приживаемость¹². Д.Н. Замятин отмечает, что люди воображают пространство как «имманентную естественную среду человеческого обитания, в которой отдельный человек и/или сообщество пребывает, живет, развивается, движется, трансформируется с помощью пространства...»¹³.

Далее выделим естественно-антропологическую сферу, включающую демографические, родственные, этнические, бытовые, семейные, медицинские, санитарные конвенции. Например, в ФРГ до сих пор сказываются последствия демографических конвенций. Часть немецких семей переходила сначала к двухдетной и однодетной семье; в то время, как в семьях турецких иммигрантов было в среднем по 4—5 и более детей. Снижение доли немцев в населении страны и отдельных земель актуализировало различие по «крови»: к немцам-репатриантам отношение было более благоприятное, чем к остальным иммигрантам. Это характерно и для других государств. Правда потом под влиянием дискурса прав человека это различие стали смягчать. Если не совершенствовать эту группу конвенций,

⁸ Капицын В. М. Политическая идентификация как механизм работы институционализации политического участия. Дисс. ... докт. полит. наук. М.: МГУ, 1999.

⁹ Козлова О. А. Социокультурные конвенции как одно из оснований аксиологической оценки // Научный альманах. Вып. 3. Барнаул, 2012. С. 88.

¹⁰ Барбашин М. Ю. Указ. соч.

¹¹ Bhaskar V., Vega-Redondo F. Migration and Evolution of Conventions // Journal of Economic Behavior & Organization. 2004. November. Vol. 55. Issue 3. P. 397—418.

¹² Качурина Л. Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России // Региональные исследования. 2008. № 1. С. 31—38.

¹³ Замятин Д. Н. Пространство и безопасность: онтологические модели воображения. С. 138.

возникает изолированность и замкнутость бытового (телесного) спектра отношений мигрантов; отрыв от повседневного общения со «старожилами», местной системы здравоохранения и т.д. Если иммигранты количественно превышают определенные пропорции с жителями места, это способствует их общению преимущественно в собственной среде. В таких случаях в принимающем обществе «горизонтальные» (естественно-антропологические), а с ними и «вертикальные» регуляторы адаптации «буксуют». Повседневный язык общения на бытовом уровне — важнейшая основа естественно-антропологических конвенций адаптации¹⁴.

Третья жизненная сфера — духовно-культурная, с группой духовно-культурных конвенций, основанных на терминальных (духовных) ценностях принимающего общества. От «культурной дистанции», т.е. величины культурных различий между конвенциями принимающего и отправляющего обществ, диаспор (различия религиозных и этических ценностей) зависит обеспечение комплементарной адаптации мигрантов.

И четвертая — агентно-профессиональная сфера, в которой формируется группа жизнесферных конвенций, связанных с экономикой места (город, район, агломерация) и трудом мигрантов. Это — агентно-профессиональные конвенции в сфере производства материальных благ и услуг. Следование этим правилам существенно влияет на презентацию мигрантами своей компетенции, их трудоустройство, соответствие рабочего места компетенции мигранта, стабильность его положения в трудовом коллективе.

Кроме того, можно классифицировать «горизонтальные» конвенции как *приемлемые* (позитивные) и *неприемлемые* (негативные, дезадаптирующие, незаконные), а также как «*теневые*» регуляторы. Последние могут иногда способствовать, но в основном препятствуют адаптации мигрантов в принимающем обществе. Все названные выше жизнесферные конвенции взаимодействуют между собой, а также с «вертикальными» регуляторами.

«Вертикальные» регуляторы адаптации мигрантов образуют политико-психологический и политико-правовой уровни регуляции. Целесообразно при их классификации отталкиваться от деления по основанию «субъект и характер представления, реализации и защиты прав и интересов». Разделим их на индивидуализированные, коллективные (групповые, корпоративные), государственные

(общественно-государственные) и международные (межгосударственные) регуляторы. К ним относятся правовые и политические ориентации людей, групп, государств, международных организаций. Это — регуляции (традиции, обычаи, нормы права, политические программы, соглашения, договоры), отражающие стремления представить, реализовать и защитить права и законные интересы мигрантов и принимающего общества. Мигранты и местные жители, принимающие и отправляющие государства (субъекты федерации, муниципалитеты), международные организации и транснациональные корпорации (ТНК) имеют свои права и обязанности, личные, групповые, национальные, интернациональные (транснациональные) интересы в сфере регуляции миграции.

Кроме этого полезна классификация «вертикальных» регуляторов адаптации с их делением на косвенные и прямые. Косвенные осуществляют контроль над потоками мигрантов и их поведением (пограничный контроль, миграционный учет, административные проверки регистрации и наличия патентов и т.д.). Эти *контролирующие* регуляторы важны, поскольку количество, характеристики мигрантов, их поведение влияют на адаптацию. Например, большой поток мигрантов, нарушение законодательства мигрантами снижают адаптационные возможности принимающих обществ. С другой стороны, радикальные националисты из числа местных граждан не способствуют адаптации мигрантов. В XXI в. с обострением проблем экстремизма регуляторы миграции находятся под влиянием политики секьюритизации. Государства и международные интеграционные объединения договариваются о борьбе с незаконной (нелегальной) миграцией, контрабандной перевозкой мигрантов, экстремистами. Это особенно актуально после миграционного кризиса 2015 г. Соответствующие меры были намечены на саммите ЕС — Африканский союз (29—30 ноября 2017 г., Абиджан).

К *прямым* «вертикальным» регуляторам относятся правозащитные (действия трудовых инспекций, судов, социальных служб) и непосредственно адаптационные регуляторы — государственные, региональные, муниципальные программы адаптации и интеграции мигрантов, а также программы международных организаций.

Косвенные и прямые регуляторы на уровне принимающего государства образуют национальный иммиграционный режим, а на уровне миграционной системы (ЕС, СНГ) — региональный иммиграционный режим¹⁵.

¹⁴ Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / Отв. ред. Е.И. Филиппова. М.: ФГНУ «Росинформатех», 2013. С. 145—170.

¹⁵ Шапаров А.Е. Формирование нового иммиграционного режима в Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 7. С. 88—90.

Межуровневое взаимодействие регуляторов

Классификация регуляторов адаптации мигрантов выводит на проблему взаимодействия между собой бизнесферного и политико-правового уровней. На каждом из этих уровней внутри «горизонтальных» (бизнесферных) или «вертикальных» (политико-психологических и политико-правовых) регуляторов комплементарность может сменяться острыми противоречиями, что требует специального подхода психологии и социологии права. Но для нас сейчас наиболее интересен вопрос о взаимодействии разноуровневых регуляторов, в том числе о влиянии «вертикальных» регуляторов на жизненные сферы, с одной стороны, и способности «бизнесферных» конвенций воспринимать требования «вертикальных» регуляторов, приспосабливаться к ним, влиять на них, с другой.

Индивидуализированные «вертикальные» регуляторы. Необходимо исходить из активности индивидуальных акторов — мигрантов и их семей, которые выстраивают свои индивидуализированные институциональные стратегии. Последние направлены не только в русло «горизонтальных» бизнесферных конвенций, но также на представление и защиту интересов и прав индивидуальных акторов. А для этого необходимо влиять на различных групповых акторов (диаспоры, партии, лоббистов) в принимающем сообществе, а, следовательно, на политику и власть, государство, а также международные организации. Поэтому в данном контексте мы относим индивидуальные институциональные стратегии к «вертикальным» регуляторам адаптации мигрантов.

На примере этих индивидуализированных стратегий более явно проявляется реципрокность — взаимопроникновение «горизонтальных» и «вертикальных» регуляторов адаптации. Это отражается в социальном и правовом статусах мигранта. Исследователи обращают внимание на то, что индивидуализированные стратегии мигрантов зависят от «интерсекциональных» различий индивидуальных характеристик¹⁶. Территориальные, поколенческие («полоторное», «второе», «третье» поколения), языковые, расовые, этнические, семейные (бесемейные), гендерные, культурные, профессиональные и другие бизнесферные характеристики придают индивидуализированным стратегиям те или иные оттенки. Это зависит от того, как соотносятся «горизонтальные» регу-

ляции (социальный статус мигранта) с «вертикальными регуляторами: с индивидуализированными (личное отношение к государству приема); групповыми (ориентация преимущественно на группы принимающего общества или на диаспору); государственными (легальный или нелегальный статус, иностранное гражданство, безгражданство, натурализация); международными (контакты с транснациональными программами для мигрантов и т.д.).

Миграция значительно индивидуализировалась, хотя это не исключает случаи массовых миграций. В индивидуальном порядке мигранты и их семьи не только прокладывают пути переселения, выстраивают маршруты движения, алгоритмы поиска работы за рубежом, перевода денег на родину, но также взаимодействуют с разными группами и корпорациями, органами государственной власти, что оказывает влияние на адаптацию.

Рассмотрим взаимодействие индивидуализированных «вертикальных» стратегий с жизненными конвенциями. В территориальной жизненной сфере наиболее полно проявляется сущность такой стратегии как выражение частной свободы передвижения. Человек использует возможность выбора места или отказывается связать себя с определенной территорией. Индивидуализированные регуляторы поведения мигранта также проявляются в естественно-антропологической (бытовой, телесной) сфере (воссоединение семьи, браки с иностранцем, тактика взаимодействия с учреждениями здравоохранения). В духовно-культурной сфере (отношение к образованию детей, конфессиональным учреждениям) и агентно-профессиональной сфере (отношения с работодателями) мигрант также формирует свои индивидуализированные регуляторы. При этом мигранты в индивидуализированном порядке оценивают, насколько целостно и сплоченно принимающее общество. В аморфном, разобщенном сообществе, в каждой из его жизненных сфер они вряд ли будут ориентироваться на адаптацию и тем более интеграцию¹⁷.

Групповые «вертикальные» регуляторы. Мигрант может получать содействие, как принимающей, так и мигрантской общины (диаспоры). И та, и другая, в той или иной степени, представляет его права и интересы в принимающем обществе, вырабатывая свои регуляторы адаптации. Это уже пример «вертикального» коллективного представления, реализации и защиты прав и интересов. Такой групповой регулятор воздействует на социальные

¹⁶ Anthias F. Transnational Mobilities, Migration Research and Intersectionality. Towards a translocational Frames // Nordic Journal of Migration Research. 2012. № 2. P. 106—107.

¹⁷ Кузнецов И. М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса: на примере г. Москвы. Автореф... канд. социологических наук. М., 2006.

конвенции во всех жизненных сферах, переплетая коллективные территориальные (природно-ландшафтные, урбанистические, аграрные) предпочтения, этнические (бытовые, кулинарные) привычки и традиции, этно-религиозные нормы и предписания, трудовые традиции, обычаи взаимопомощи и т.д.

Государственные регуляторы. Если мы говорим о государственных (общественно-государственных) регуляторах (нормах и политиках), то они также пронизывают все названные жизненные сферы с помощью федеральных (национальных), региональных, а в определенной мере, также муниципальных регуляторов. Говоря о взаимодействии с территориальными конвенциями, достаточно сказать, что оно проявляется в акте пересечения мигрантом границы. Правовые акты определяют законность (незаконность) въезда мигранта, что накладывает отпечаток на пребывание мигранта в государстве въезда, его статус и образ жизни¹⁸. В ФРГ принимались нормативные правовые акты, направленные на оптимизацию территориального распределения иммигрантов по землям и районам страны, чтобы предотвратить (преодолеть) диспропорции в расселении иностранцев и дисбалансы общественных настроений. Применяются территориальные ограничения при выборе работы, запреты на работу в отдельных землях для беженцев с низкой квотой признания, а также ограничения в смене места жительства¹⁹.

С учетом естественно-антропологических конвенций ФРГ принимались нормативные правовые акты, касающиеся вопросов натурализации по «принципу крови»²⁰. До 2000 г. гражданство предоставлялось в упрощенном порядке тем, у кого в роду были немцы («принцип крови» — *jus soli*). Только с 2000 г. появилось законодательное регулирование, позволяющее учитывать «принцип почвы» (*jus sanguinis*). Учитываются и другие жизнесферные конвенции — регулируется доступ к работе в зависимости от уровня интеграции, отношения к временному трудоустройству, повышению квалификации.

Международные регуляторы. Некоторые универсальные и региональные международные нормы (обычаи, соглашения) включаются в регулирование жизненных сфер. Например,

территориальной жизненной сферы — защита свободы передвижения, стандарты путей сообщения, перевозки пассажиров, запрет нелегальной перевозки мигрантов. Универсальное регулирование проникает в естественную (телесную) сферу разных обществ через стандарты санитарии, здравоохранения, питания, размещения, быта, что касается не только туристов, но также мигрантов и беженцев. В духовно-культурной сфере есть универсальные требования ООН, ЮНЕСКО, МОТ относительно образования детей мигрантов, культурного досуга, отправления профессиональных потребностей. Интенсивное нормативное регулирование ООН и особенно МОТ касается агентно-профессиональной сферы — трудящихся-мигрантов и их семей. Приняты Международная Конвенция ООН о защите всех прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., Конвенции МОТ о трудящихся-мигрантах № 97 (1949 г.), о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения № 143 (1975 г.), Рекомендации МОТ № 86, 151 и др.

Все эти регуляторы направлены в основном против дискриминации трудящихся-мигрантов независимо от национальности, расы, вероисповедания, пола. Их можно, как и многие правозащитные регуляторы отнести к адаптационным. Но кроме них, как отмечалось выше, используются также международные *контролирующие* регуляторы для упорядочения и снижения потоков миграции (частично, Конвенция МОТ № 143 также затрагивает такие регуляторы).

Проблема координации регуляторов

Таким образом, «вертикальные» регуляторы взаимодействуют с «горизонтальными», каждая из этих групп также взаимодействуют внутри своего круга. В этом множестве взаимодействий необходим координатор. В ряде государств на эту роль претендует государственная политика адаптации и интеграции мигрантов. Действуя через правовые нормы и органы власти, она предназначена обеспечивать комплементарность приемлемых регуляторов для эффективного регулирования адаптации.

Политика адаптации и интеграции мигрантов может стать координирующим институциональным воздействием. В процессуальном плане она выстраивает взаимодополнение «вертикальных» и «горизонтальных», государственных и негосударственных регуляторов, правовых и неправовых институтов, выводит «из тени» некоторые полезные и приемлемые для общества практики. Она помогает правоохранителям и общественным организациям отсекаать антиправовые регуляторы — дискриминационные

¹⁸ Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж.А. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. С. 19.

¹⁹ Бардин А.Л. Интеграция инокультурных иммигрантов: опыт ФРГ // Полис. 2017. № 6. С. 169—177.

²⁰ Ehrkamp P., Leitner H. Beyond National Citizenship: Turkish Immigrants and the Reconstruction of Citizenship in Germany // Urban Geography. 2013. Vol. 24. Issue 2. P. 127—146.

и отчуждающие правила и практики, особенно криминальных «теневых» посредников, экстремистских групп. В функциональном плане политика адаптации и интеграции способствует накоплению опыта инклюзии мигрантов в принимающих сообществах. Благодаря обеспечению комплементарности регуляторов формируется лояльность мигрантов к регуляторам принимающего общества и национальной идентичности. Приемлемо формирование лояльной двойной идентичности мигрантов. Правовые регуляторы разрабатываются с учётом ценностей и комплементарных неправовых конвенций.

В мировой практике для регулирования адаптации и интеграции распространяются такие инструменты, как программы домиграционной подготовки в отправляющих странах, сети и ассоциации мигрантов, интеграционные программы, включающие индивидуальные интеграционные планы, контроль за выполнением программы, интеграционные тесты, экзамены, индексы, присяги, муниципальных консультантов и межкультурных посредников. Разработку политики интеграции иммигрантов начали в Швеции (сер. 1970-х годов) и Нидерландах (начало 1980-х годов). В Испании (2000 г.) принят Закон о правах и свободах иностранцев, утвердивший применение интеграционных программ, процедур и показателей. В Нидерландах действует Закон о гражданской интеграции прибывающих в страну лиц (от 30.09.1998). Он закрепил программы первичной адаптации для мигрантов с обязательным прохождением интеграционных курсов. Подобные нормы в Австрии, Бельгии, Германии, Греции, Дании предполагают обучение государственному языку, ознакомление с историей и традициями страны, ценностями ЕС, первичную ориентацию на рынке труда и профессиональную подготовку. Для каждого мигранта разрабатывается индивидуальный интеграционный план, муниципалитет заключает с ним соглашение. В Дании действует Закон об интеграции иностранцев от 28.06.2001, предусматривающий интеграционные программы и сдачу экзамена по языку для получения права на постоянное пребывание.

В ФРГ в 2005 г. принят Федеральный закон о миграции и Национальный план интеграции, предусматривающий взаимодействие 400 институтов. В качестве координатора выступает Федеральный канцлер, ежегодно проводящий интеграционный саммит представителей мигрантских организаций, где обсуждается реализация Национального плана интеграции²¹. В ФРГ интеграция мигрантов предшествует натурализации.

²¹ Woellert F., Kröhnert S., Sippel L., Klingholz R. Ungenutzte Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland. Berlin: Institut für Bevölkerung und Entwicklung, 2009. S. 50.

Наряду с курсами граждановедения и истории, Конституции ФРГ, основ законодательства применяются разнообразные инструменты, в том числе гендерные, например, тренинги для молодых мигрантов-мужчин из Сирии как цивилизованно познакомиться с немецкими девушками, ухаживать за ними. Для женщин проводится обучение основам семейного законодательства, устраиваются кулинарные клубы для домохозяек с приглашением женщин из семей мигрантов, где они обмениваются рецептами национальных блюд.

На международном уровне ЮНЕСКО приняла программу социально-экономической интеграции мигрантов. В ЕС с принятием Амстердамского договора 1999 г. государства-члены активизировали интеграцию иммигрантов. В ЕС разработали индекс интеграционной политики, включающий более 140 показателей: государства и регионы должны обеспечивать доступ к рынку труда, воссоединение семей, длительное проживание, участие в политической деятельности, доступ к гражданству, борьбу с дискриминацией²². В программах МОМ предусмотрены тренинги по интеграции, помощь различным странам, отправляющим и принимающим мигрантов, в том числе в вовлечении их в общественную жизнь, работу консультативных органов на местном и национальном уровнях, что придает адаптационным процессам двухсторонний характер²³. К работе привлекаются также организации, в том числе религиозные с их лидерами, и органы власти отправляющих государств.

В России еще предстоит учредить координирующий орган, выстроить систему регуляторов адаптации мигрантов, начиная с уровня принимающего сообщества и муниципалитета, регионального ведомства и до федеральных ведомств, вице-преьера и главы государства. Учреждение Федерального агентства по делам национальности (ФАНД) — важный шаг на этом пути, но ФАНД необходимо придать функции координации национальных и миграционных регуляторов.

Список литературы

1. Барбашин М. Ю. Оптимальные институциональные стратегии и идентичность в условиях неопределенности социальных дилемм (на примере бинарных игр) // Журнал институциональных исследований. 2014. Т. 6. № 4. С. 116—136.

²² Васильева Т. Интеграция мигрантов в принимающее общество: опыт стран Западной Европы // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 18. М., 2010. С. 76—77.

²³ Labour migration and human development division. Annual Review. Geneva: International Organization for Migration. 2012. P. 32, 57.

2. Бардин А.Л. Интеграция инокультурных иммигрантов: опыт ФРГ // Полис. 2017. № 6. С. 169—177.
3. Васильева Т. Интеграция мигрантов в принимающее общество: опыт стран Западной Европы // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 18. М., 2010. С. 73—82.
4. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // СОЦИС. 2013. № 5. С. 49—55.
5. Замятин Д.Н. Пространство и безопасность: онтологические модели воображения // Полис. 2013. № 3. С. 137—148.
6. Замятин Д.Н. Пространство как образ и трансакция: к становлению геонимики // Полис. 2007. № 1. С. 168-183.
7. Капицын В.М. Политическая идентификация как механизм институционализации политического участия. Дисс. ... докт. полит. наук. М., 1999. 220 с.
8. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник Института социологии. 2016. № 17. С. 12—28.
9. Качурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России // Региональные исследования. 2008. № 1. С. 31—38.
10. Козлова О.А. Социокультурные конвенции как одно из оснований аксиологической оценки // Научный альманах. Вып. 3. Барнаул, 2012. С. 85—88.
11. Кузнецов И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса: на примере г. Москвы. Автореф.... канд. социол. наук. М., 2006. 27 с.
12. Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж.А. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения функционирования экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
14. Шапаров А.Е. Формирование нового иммиграционного режима в Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 7. С. 83—92.
15. Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / Отв. ред. Е.И. Филиппова. М.: ФГНУ «Росинформротех», 2013. 202 с.
16. Anthias F. Transnational Mobilities, Migration Research and Intersectionality. Towards a translocational Frames // Nordic Journal of Migration Research. 2012. № 2. P. 102—110.
17. Bhaskar V., Vega-Redondo F. Migration and Evolution of Conventions // Journal of Economic Behavior & Organization. 2004. November. Vol. 55. Issue 3. P. 397—418.
18. Clayton J. Thinking spatially: towards an everyday understanding of inter-ethnic relations // Social and Cultural Geography. 2009. Vol. 10. Issue 4. P. 481—498.
19. Ehrkamp P., Leitner H. Beyond National Citizenship: Turkish Immigrants and the Reconstruction of Citizenship in Germany // Urban Geography. 2013. Vol. 24. Issue 2. P. 127—146.
20. Labour migration and human development division // Annual Review. Geneva: International Organization for Migration. 2012. 60 p.
21. Woellert F., Kröhnert S., Sippel L., Klingholz R. Ungenutzte Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland. Berlin: Institut für Bevölkerung und Entwicklung, 2009. 92 S.

Regulators of Adaptation of Migrants (Issues of Methodology and Classification)

Kapitsyn V.M.,

Doctor of Political, Professor of the Department of Comparative Politics
of the Faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow State University
E-mail: kapizin@yandex.ru

Abstract. *The paper is devoted to methodological approaches to the classification of regulators affecting the adaptation of migrants. System failures immigration laws and immigration policy claimed new methodological approaches to the study of the interaction of legal, political and other regulators affecting the adaptation of migrants. The author analyzes the content of immigration relation divided regulators on «vertical» and «horizontal».*

Keywords: *methods, classification, migration, adaptation of migrants, behavioral convention, «vertical» regulators, «horizontal» regulators.*

References

1. Barbashin M.Yu. Optimalnye institutsionalnye strategii i identichnost v usloviyakh neopredelennosti sotsialnykh dilemm (na primere binarnykh igr) // Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy. 2014. T. 6. № 4. S. 116-136.
2. Bardin A.L. Integratsiya inokulturnykh immigrantov: opyt FRG // Po-lis. 2017. № 6. S. 169-177.

3. Vasileva T. Integratsiya migrantov v prinimayuschee obschestvo: opyt stran Zapadnoj Evropy // Vestnik Instituta Kennana v Rossii. Vyp. 18. M., 2010. S. 73-82.
4. Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A. Integratsiya trudovykh migrantov v megapolise: lokalnye modeli, kontekst identichnosti (metodologiya i metody issledovaniya) // SOTSIS. 2013. № 5. S. 49-55.
5. Zamyatin D.N. Prostranstvo i bezopasnost: ontologicheskie modeli vobrazheniya // Polis. 2013. № 3. S. 137-148.
6. Zamyatin D.N. Prostranstvo kak obraz i transaktsiya: k stanovleniyu geonomiki // Polis. 2007. № 1. S. 168-183.
7. Kapitsyn V.M. Politicheskaya identifikatsiya kak mekhanizm institutsionalizatsii politicheskogo uchastiya. Diss. ... dokt. polit. nauk. M., 1999. 220 s.
8. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. Sotsialnaya konyunktsiya v re-sursnom aspekte // Vestnik Instituta sotsiologii. 2016. № 17. S. 12-28.
9. Kachurina L.B. Prostranstvennoe razmeschenie i sotsialnaya adaptatsiya migrantov v sovremennoj Germanii: uroki dlya Rossii // Regionalnye issledovaniya. 2008. № 1. S. 31-38.
10. Kozlova O.A. Sotsiokulturnye konventsii kak odno iz osnovaniy aksiologicheskoy otsenki // Nauchnyj almanakh. Vyp. 3. Barnaul, 2012. S. 85-88.
11. Kuznetsov I.M. Adaptatsionnye strategii migrantov v usloviyakh megapolisa: na primere g. Moskvy. Avtoref... kand. sotsiol. nauk. M., 2006. 27 s.
12. Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov. Mezhdistsiplinarnoe uchebnoe posobie / Pod red. Zh.A. Zajonchkovskoy, I. Molodikovoy, V. Mukomelya. M.: Tsentr migratsionnykh issledovaniy, 2007. 370 s.
13. Nort D. Instituty, institutsionalnye izmeneniya funktsionirovaniya ekonomiki. M.: Nachala, 1997. 180 s.
14. Shaparov A.E. Formirovanie novogo immigratsionnogo rezhima v Evrope // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. № 7. S. 83-92.
15. Yazyki menshinstv: yuridicheskij status i povsednevnye praktiki. Rossijsko-frantsuzskij dialog / Otv. red. E.I. Filippova. M.: FGNU «Rosinformagrotekh», 2013. 202 s.
16. Anthias F. Transnational Mobilities, Migration Research and Intersectionality. Towards a translocational Frames // Nordic Journal of Migration Research. 2012. № 2. P. 102—110.
17. Bhaskar V., Vega-Redondo F. Migration and Evolution of Conventions // Journal of Economic Behavior & Organization. 2004. November. Vol. 55. Issue 3. P. 397—418.
18. Clayton J. Thinking spatially: towards an everyday understanding of interethnic relations // Social and Cultural Geography. 2009. Vol. 10. Issue 4. P. 481—498.
19. Ehrkamp P., Leitner H. Beyond National Citizenship: Turkish Immigrants and the Reconstruction of Citizenship in Germany // Urban Geography. 2013. Vol. 24. Issue 2. P. 127—146.
20. Labour migration and human development division // Annual Review. Geneva: International Organization for Migration. 2012. 60 p.
21. Woellert F., Kröhnert S., Sippel L., Klingholz R. Ungenutzte Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland. Berlin: Institut für Bevölkerung und Entwicklung, 2009. 92 p.

